

В И К И Н Г И

ВИКИНГИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ СЕРИАЛ

СЕРГЕЙ

СТЕПАНОВ

ПОСЛЕДНИЙ
ВИКИНГ

ЯРОСТЬ
НОРМАННОВ

МОСКВА

«ЯУЗА»

«ЭКСМО»

2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С 11

Оформление серии художника *В. Щербакова*
Иллюстрация на обложке художника *В. Остапенко*

Степанов С. А.
С 11 Последний викинг. «Ярость норманнов» / Сергей Степанов. — М. : Яуза : Эксмо, 2013. — 416 с. — (Викинги. Исторический сериал).

ISBN 978-5-699-68509-7

«Спаси нас, Господи, от ярости норманнов!» — 1000 лет назад об этом молилась вся Европа, за исключением Древней Руси, куда викинги ходили не в набеги, а наниматься на службу к могущественным русским князьям. (Вопреки пресловутой «норманнской теории», скандинавские саги свидетельствуют об отсталости и бедности Северо-Западной Европы по сравнению с богатейшей цивилизованной Русью, поражавшей пришельцев с Запада благоустройством, изобилием и почти поголовной грамотностью городского населения.) Одним из таких варягов-наемников был и герой этого романа Харальд Суровый, которого прозвали Последним Викингом. Имя этого великого конунга, морехода, завоевателя и скальда, известно каждому скандинаву. Его подвиги вошли в легенду. А его стихи, обращенные к русской невесте, переводили К.Н. Батюшков и А.К. Толстой.

В юности Харальду довелось участвовать в самом кровопролитном сражении норвежской истории между христианами и язычниками и бежать от мести берсерков на Русь, где он стал соратником Ярослава Мудрого и влюбился в его дочь Елизавету. Но чтобы завоевать руку и сердце русской княжны, молодому варягу придется совершить невозможное — отправиться в далекий Царьград и добыть секрет всежигающего «греческого огня», который византийцы хранят под страхом смерти...

Читайте первый роман о величайшем из викингов, основанный на реальных событиях, по сравнению с которыми меркнут голливудские блокбастеры и лучшие исторические сериалы!

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-68509-7

© Степанов С., 2013
© ООО «Издательство «Яуза», 2013
© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ПРОЛОГ

Харальд Суровый, сын Сигурда Свиньи, был конунгом Норвегии и Дании, величайшим воином, мореходом и поэтом. Харальда также называют последним викингом, что справедливо, ибо на нем завершилась эпоха норманнских завоеваний. Эта эпоха началась в июньские иды семьсот девяносто третьего года века Господня. «Англосаксонская хроника» сообщает о первом появлении норманнов, сопровождавшемся грозными предзнаменованиями: «В этом году были жуткие знамения в Нортумбрии, которые безмерно напугали всех жителей. Кружили сильные вихри, сверкала молния, а в небе видели летящих драконов, изрыгающих пламя. Вскоре после этих знамений начался сильный голод».

Близ побережья Нортумбрии, на севере Англии, лежит каменистый остров, на котором благочестивые шотландские и исландские монахи основали обитель. Однажды смиренная братия узрела паруса далеко в пустынном море. Паруса двигались с севера, и это было странно и удивительно, ибо никто раньше не видел кораблей, плывущих с северной стороны. Говорили, что холодное море простирается до края света и там низвергается вниз. Монахи заворуженно наблюдали за приближением полосатых парусов. Скоро можно было различить черные корабли, на изогнутых носках которых шерили свои пасти ужасные драконы.

Драконы пристали к берегу, и с них спрыгнули приземистые люди в кольчугах и с топорами в руках. Они набросились на монахов, одних убили, других увезли прочь от родных берегов, монастырь сожгли, драгоценные дароносицы и другие священные сосуды, одеяния священников и все имущество разграбили. Алкуин из Йорка, муж великой учености и основатель придворной школы Карла Великого, направил послание королю Нортумбрии Этельреду: «Подумай о том, что почти 350 лет мы и наши праотцы жили в этой прекрасной стране, и никогда прежде не обрушивались на Британию столь ужасные бедствия, как те, что навлекли на нас язычники. Никто и думать не мог, что такая напасть может прийти из-за моря». Он напомнил прорицание Иеремии-пророка: «От севера откроется бедствие на всех обитателей сей земли».

Сбылось пророчество Священного Писания. От севера открылось величайшее бедствие сначала для Британии, а вскоре и для иных стран. С каждым годом с севера приплывало все больше и больше кораблей с драконами на носу. Нортумбрия, одно из трех английских королевств, была покорена, а потом пришел черед Восточной Англии, чей король Эдмунд пал от руки норманнов и был провозглашен святым мучеником. Норманны вторглись в Уэссекс. Ирландия не осталась в стороне от вожделения викингов. Ирландский хронист писал: «Море извергло на Эрин потоки чужеземцев. Не осталось ни одного залива, ни одной пристани, ни единого укрепления, укрытия, бугра, который не был бы наводнен викингами».

Викинги обрушились на империю, разделенную между сыновьями Карла Великого и ослабленную внутренними раздорами. Был сожжен Гамбург. Архи-

епископ Ансар бежал вместе с монахами, священные книги погибли в огне. Викинг Рагнар Кожаные Штаны, поднявшись по Сене, захватил Париж. Ни один город, ни один монастырь не остался неприкосновенным. Все обращалось в бегство, и редко кто-нибудь говорил: «Остановись, окажи сопротивление, защищай свою родину, собственных детей и народ!» Хронисты писали: «Отчаяние охватило франков: казалось, что христианскому народу пришел конец». Во всех церквях возносили молитву: «*A furore normannorum libera nos, o Domine!*» — «Спаси нас, Господи, от ярости норманнов!»

От ярости норманнов пытались откупиться, даровав им богатые земли. Датский хёвдинг по имени Ролло и его викинги получили во владение город Руду, называемый франками Руан, и область до самого моря. Эти владения положили начало Нормандии. Чаще всего короли и герцоги удовлетворяли ярость викингов золотом и серебром. Данегельд — «датские деньги» — называлась плата за то, чтобы викинги, среди которых было много данов, не разоряли прибрежные города и селения. Однако через несколько лет они возвращались вновь и требовали новой дани.

Викинги направляли свои корабли все дальше и дальше. Они шли Аустрвегом — Восточным путем, который привел их в Гардарику и дальше — в Землю Греков. Они появились в Испании, которой владели мавры. Их корабли заполнили море, как темные птицы, сердца мавров же наполнились страхом и мукой. Аравитяне говорили о нападении на Севилью: «Альмаджус, которые зовутся ар-рус, ворвались туда, захватывали пленных, грабили, жгли и убивали».

Викинги приплыли из Северных Стран, включавших Данию, Норвегию, Швецию, Исландию, Гренландию, Фарерские и Оркнейские острова. Там обитали разные племена: даны, свеи, норвежцы, но для всего мира они были прежде всего норманнами, то есть «людьми с севера». Имелись у них и иные имена. В Гардарике их называли варягами, в Земле Греков — варангами и русами, в Испании — ар-рус. Слово «викинги», как думают, означает «люди из заливов». Викинги — это не племя, а род занятий, заключавшийся в морских походах и грабеже. В Северных Странах говорили: «он пошел в викинг», «он погиб в викинге». Выгодным ремеслом викинга занимались люди разных племен и народов. Порой они превосходили свирепостью даже самих норманнов. Так, от грабительских набегов вендов весьма сильно претерпели жители прибрежных селений Швеции. Самый безжалостный викинг, которого мне довелось знать, был родом из племени эстов.

Норманны викингской эпохи являлись язычниками. Они убивали служителей Господа и разрушали Божьи храмы. Истинная вера медленно приживалась в холодных Северных Странах. Достаточно сказать, что и доньше Великая Холодная Швеция еще прозябает в мраке язычества. И все же чем дольше норманны соприкасались с христианскими народами, тем чаще они, отринув языческую скверну, вступали в спасительное лоно Церкви. Увы, многие из них крестились неискренне. Некий праведный муж из сентгалленских монахов со слезами на глазах рассказывал о недостойном поведении норманнов, которым Людовик Благочестивый предложил принять таинство крещения. Новообращенным подарили платье,

но крещальных одежд на всех не хватило, и тогда они стали рвать ткани на куски и делить их между собой. Один из старейших среди них взроптал: «Я принимал крещение двадцать раз и всегда получал хорошее платье, но ныне мне дали мешок, подходящий пастуху, но не воину».

Однако недаром говорят, что дерево не от первого удара падает. Благодаря подвижническому подвигу святых мучеников слово Божье постепенно проникло в свирепые сердца викингов. Кое-кто из них бросил ремесло разбойника и занялся мирным трудом. И это хорошо! С другой стороны, остается сожалеть, что одновременно со смягчением нравов угасает тот неистовый дух, который гнал викингов за море. Так сказал Эгиль, сын Грима Лысого:

Меньше стало ныне,
Тех, что блеском моря
Воинов дарили.

Мы в Исландии бережно храним имена викингов, уходивших за море в поисках славы и добычи. Страна Льдов — так переводится с северного языка название нашей страны. Северный язык един для всех норманнов, и только те, кто поселился далеко от Северных Стран, постепенно перенимают чужое наречие. Исландия — небогатая страна. Однако нашу бедность мы превратили во благо. Никто не может сравниться с исландцами ни в искусстве стихосложения, ни в умении рассказывать саги. Я еще застал то время, когда в Исландии росли деревья. Потом их вырубили на постройки. Но если наша страна лишена леса, то она столь же богата сказителями. Длинными зимними

вечерами исландцы собираются у очагов и слушают саги и песни скальдов. Исландские скальды сочиняют висы — короткие стихи из восьми строк, а также длинные торжественные флокки и драпы. Их слава гремит по всем Северным Странам.

Чаще всего исландцы рассказывают родовые саги о своих предках, приплывших на остров в век заселения страны. Столь же охотно слушают саги о норвежцах, ибо многие исландцы имеют норвежские корни. Первый поселенец, Ингольф, сын Арнара, обосновавшийся близ горячих ключей в Рекьявике, был родом из Норвегии. Мы часто плаваем в Норвегию за строевым лесом и по торговым делам, ибо эта страна самая ближняя к нам. Считается, что вокруг Исландии семь дней плавания при сильном попутном ветре, притом что он меняется как необходимо, ибо пользоваться только одним ветром невозможно. И считается, что между Исландией и Норвегией тоже семь дней плавания.

Каждый исландец знаком с сагами о подвигах норвежских конунгов, что может показаться необычным, ибо в Исландии нет и никогда не было конунгов. Издавна все дела решаются на тингах, или народных собраниях. Свободнорожденные люди участвуют в областных тингах, а раз в год в окрестностях озера Эльфусвахтн созывается всеобщий тинг, называемый альтинг. За порядком на альтинге следит законоговоритель, который избирается народом и не имеет наследственной власти конунга. В обязанности законоговорителя входит провозглашение принятых альтингом решений со Скалы Законов. И все же исландцы знают о норвежских конунгах больше, чем сами норвежцы, среди коих множество доблестных

воинов, но очень немного скальдов. Причина в том, что много исландцев служит в дружинах конунгов, а наши скальды — желанные гости при их дворах, где воспевают подвиги повелителей.

С детства мой слух услаждали саги о морских конунгах, ярлах и прославленных воинах. Быстро запоминая длинные саги, я сам научился рассказывать их. И хотя мне не пристало упоминать о себе, памятуя, что имена куда более знаменитых сказителей канули в Лету, все же скажу, что наш род не последний в Исландии. Мой дед, Торстейн с Побережья, служил в дружине ярла Эйрика, сына Хакона. Вернувшись на родину, он обзавелся добрым хутором во Фьорде Городище. Дед пал жертвой кровной вражды между жителями северного и южного побережий. Вражду затеял Стюр Убийца из Лавовой Пустоши. Он убил нашего родича без достаточных на то оснований и осиротил его детей. Гестом звали его сына. Мальчик был невысокого росточка и невзрачного вида. Однако он оказался достаточно ловким, чтобы подкрасться к могучему Стюру и всадить ему секиру в голову у правого уха. Мой дед спрятал юного мстителя и помог ему уехать из страны. По этой причине зять убитого решил отомстить деду. Снорри Годи звали этого могущественного и богатого человека. Ночью он подъехал к хутору деда и велел одному из своих многочисленных сыновей рвать солому с крыши, как делают голодные лошади. Дед подумал, что лошадь грызет крышу, и вышел отогнать ее. Когда он открыл дверь и появился на пороге в одних холщовых штанах, на него набросились сразу четверо, так что он не успел и рта раскрыть. Один из ударов копья пришелся в живот, и от этого дед сразу же умер. Его старший сын

выбежал узнать, что за шум, и пал мертвым на пороге. Потом вышел мой отец, Свейн. Ему было всего десять зим, сон стоял в его глазах.

Снорри Годи сказал своему воспитаннику Торду Кисе: «Видит ли кошка мышь? Пусть молодой разит молодого!» Снорри Годи имел странное пристрастие к кошкам, подобающее скорее женщине, нежели знаменитому мужу. Из одиннадцати его сыновей и воспитанников трое имели прозвище Киса, а Торд был самым младшим, ему исполнилось всего десять зим, как и моему отцу. Маленький мышонок стоял перед ними и ждал своей участи. Торд сказал: «Не хватает еще, чтобы погиб столь юный ребенок!» Другой сын — Халльдор — бросил коротко: «Пусть живет!» Снорри Годи был весьма удивлен. Он родился в языческие времена, когда господствовали суровые нравы. Был в Исландии один викинг. Альвиром звали его, а прозвище ему дали Детолюб, за то, что он запретил своим людям подбрасывать детей в воздух и ловить их на копья, как было принято у викингов. Для язычников подобное милосердие казалось странным, что и объясняет замешательство Снорри. Он проворчал: «Будь по-вашему. Но боюсь, когда мальчишка вырастет, он еще прорубит брешь в нашем роду!»

Случилось иначе благодаря Торду и Халльдору и их третьему брату, которого даже не было вместе с ними в ту ночь. Гудлаугом звали его. Он был набожен, благочестив и крепок в вере. Гудлауг отказался ехать к хутору моего деда, сказав, что никогда не чувствовал склонности к убийствам. Его братья спасли брэнное тело моего отца, он же спас его бессмертную душу. Когда отец осиротел, Гудлауг призвал его к смирению, поведав ему о страданиях Господа нашего Ии-

суса Христа. От него мой отец воспринял неукротимую ненависть к языческой мерзости, а потом передал эту ненависть мне. Через несколько лет Гудлауг уехал в Англию, вступил в монастырь и до самой смерти слыл примерным монахом.

Я никогда не видел сего святого мужа, зато был знаком с Халльдором, поддержавшим Торда Кису в его воистину христианском милосердии. Халльдор был незаконнорожденным сыном Снорри, прижитым от наложницы, но в те времена на это не обращали большого внимания. Как-то он уехал в Норвегию за лесом, должен был вернуться через месяц, а возвратился через двадцать пять лет. Все это время он провел в странствиях рядом с Харальдом Суровым, который в ту пору еще не был конунгом. Он стал дружинником Харальда, его верным оруженосцем и другом. Потом между ними случилась размолвка, тем более удивительная, что они столько лет провели рядом, по-братски деля пищу и закрываясь от ночного холода одним плащом. Бывший дружинник вернулся на родину и поселился на хуторе на Стадном Холме.

Я впервые увидел его на Полях Тингов, куда он приехал вместе со своими родичами, вырыл для себя землянку и покрыл ее крышей. Две или три недели люди на альтинге обсуждают дела и выносят решения по тяжбам, а по вечерам устраивают состязания и слушают саги. Как сейчас помню, мы развлекались игрой со шкурой. Четверо моих друзей — Эйвинд Разорванная Щека, Бруси Рубаха до Пят, Вермунд Карман на Спине и Олав Полутроль — встали в круг и бросали друг другу сырую шкуру, а я пытался ее поймать. Вдруг пронесся слух, что у землянки Халльдора, сына Снорри, собрался народ и слушает сагу о подвигах

Харальда конунга. Мы тотчас же бросили игру и присоединились к многочисленным слушателям. Старый дружинник сидел перед входом в землянку и вел свой рассказ с совершенно бесстрастным лицом, на котором красовался старый рубец от раны, полученной им в военных походах. Он был самым невозмутимым человеком на свете. Узнавал ли он о смертельной опасности или радостной новости, он не становился печальнее или радостнее. Выпадало ли ему счастье или несчастье, он вел себя как обычно. Я не встречал человека молчаливее его, кроме разве одного немого, жившего у переправы через Белую реку. Но повествование его было столь увлекательным, что не нуждалось в ярких оборотах и красивых словах.

Все слушали его, затаив дыхание, но среди собравшихся не было более внимательного слушателя, чем я. Он закончил свое повествование, зевнул и пошел спать. Все разошлись, а я продолжал сидеть перед его землянкой, открыв рот. С того дня я считал часы до вечера, когда собирался народ и просил его рассказать о Харальде Суровом. Я слушал, стараясь не упустить ни слова. Когда через две недели все дела обсудили и люди разъехались по своим домам, я отсчитал месяцы и дни до следующего альтинга, вновь и вновь повторяя все, что успел запомнить. Бесчисленное количество раз я повторял услышанное, отправляясь на поиски отбившихся отцовских овец, кося сено и раскладывая его для просушки, разделявая вместе с соседями тушу кита, выброшенного на берег, стоя на носу лодки и бросая отравленный гарпун в акулу, заплывшую в наш фьорд. Признаюсь, что даже в церкви я порой греховно отвлекался от молитвы и мои губы невольно шептали имя Харальда Сурового.

Три года я ездил на альтинг и слушал рассказы о Гардарике, Стране Бьярмов, о варяжской дружине в Миклагарде, самом большом и богатом городе на свете. Мы узнали о том, как Харальд свергал греческих конунгов — повелителей мира, и отверг любовь императрицы Зои Могучей. Нас увлекали воспоминания о морских сражениях у берегов Сицилии и Африки, о паломничестве в Святую землю. И, конечно, нас охватывала алчность при описании несметных сокровищ, вывезенных из Восточных Стран. Мы слышали, что Харальд Суровый безмерно богат, что ни один человек в Северных Странах не имел столько золота, сколько он привез в крепких сундуках. Мы узнали происхождение этого несметного богатства. Харальд начальствовал над отрядом норманнов, охранявших покои греческого царя. Три раза менялись на троне владыки империи, и трижды Харальд и его люди обходили дворец в Миклагарде и брали все, что им приглянулось. Харальд тайно переправлял сокровища в Гардарику к конунгу Ярицлейву Мудрому, с чьей дочерью Эллисив он был обручен. Ярицлейв конунг сохранил все золото до последнего эйрира, и эти богатства помогли Харальду стать конунгом Норвегии.

Из воспоминаний старого дружинника родилась эта сага. На мою долю выпало немногое. Постаравшись с великим тщанием передать незамысловатую речь воина, я дерзнул лишь отчасти разнообразить ее подходящими скальдическими стихами и добавить несколько прядей о людях, которым не нашлось места в его повествовании. Я также счел своим священным долгом снабдить повествование надлежащими христианскими нравоучениями, ибо старый дружинник